

RU

Особенности функционирования формы настоящего времени на -а
(-а формалы хэзерге заман) в текстах газеты «Кояш»

Миннуллин Б. К.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении морфологических и семантических особенностей функционирования формы настоящего времени на -а (-а формалы хэзерге заман) в текстах газеты «Кояш». Научная новизна настоящей статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании научная разработка грамматической системы текстов старотатарских письменных памятников проводится на примере фактического материала, полученного в результате введения в научный оборот текстов газеты «Кояш». В результате проведенного научного анализа нами выявлено, что в текстах указанной газеты при реализации спряжения формы настоящего времени на -а по лицам употребляются традиционные для рассматриваемого периода грамматические показатели и формы, характерные для современного состояния татарского литературного языка.

EN

Specificity of Functioning of Present Tense Form on -a
(-a формалы хэзерге заман) in the Pages of “Кояш” Newspaper

Minnullin B. K.

Abstract. The paper aims to identify morphological and semantic peculiarities of functioning of the Present Tense form on -a (-a формалы хэзерге заман) in the pages of the “Кояш” newspaper. Scientific originality of the research is conditioned by the fact that for the first time in the Tatar linguistics, the author examines grammatical peculiarities of the Old Tatar texts by the examples taken from the “Кояш” newspaper. The conducted analysis allows concluding that the newspaper texts under study contain the Present Tense forms typical of the Tatar language of the early XX century, as well as the Present Tense forms typical of the modern Tatar literary language.

Введение

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена необходимостью исследования старотатарского письменного литературного языка через введение в научный оборот новых фактических материалов, относящихся к разным функционально-стилевым плоскостям. Так, в настоящее время в татарском языкознании имеется немалое количество исследований, направленных на изучение лексико-грамматических особенностей текстов литературных произведений, созданных на рубеже XIX-XX вв. Кроме того, существуют труды, направленные на изучение языковых особенностей старотатарской деловой письменности, а также саяхатнаме – путевых заметок. Между тем определенное влияние на развитие старотатарского литературного языка начала XX века и на его дальнейшее преобразование в национальный литературный язык имели и тексты татароязычной арабграфической периодической печати рассматриваемого периода. Научное изучение текстов старотатарских письменных памятников рассматриваемого периода, в частности текстов периодической печати, дает возможность проследить этапы функционирования формы настоящего времени изъявительного наклонения на -а в наименее изученных текстах, относящихся к татарской публицистике начала XX века, в диахронии.

Начало XX века в развитии татарского народа определяется как особо бурный период, связанный с ростом национального самосознания в результате определенных общественно-политических и экономических изменений. Именно результатом таких изменений стало возникновение национальной периодической печати у татар. Эти изменения не могли не отразиться и на принципах лексико-грамматического построения текстов письменных памятников, созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода.

К примеру, настоящее время изъявительного наклонения в текстах татарской периодической печати начала XX века было представлено несколькими формами, среди которых, помимо формы на *-a*, характерной для современного состояния татарского литературного языка, имелись и синтетические формы на *-jur* и на *-maqda (dyr)*, активные в огузских языках, в частности в османско-турецком литературном языке рассматриваемого периода. Однако уже к середине второго десятилетия XX столетия, в том числе в результате роста национального самосознания, вырисовывается картина, согласно которой традиционные общетюркские и огузские языковые формы постепенно вытесняются из употребления народно-разговорными грамматическими элементами.

Для достижения указанной выше цели необходимо решить ряд частных задач: выявить грамматические показатели, посредством которых в текстах газеты осуществляется спряжение формы настоящего времени на *-a* по лицам; определить способ образования отрицательной формы глагола в форме настоящего времени на *-a*; определить норму функционирования формы настоящего времени на *-a* путем введения в текст настоящей научной статьи фактического языкового материала.

В ходе решения приведенных выше задач нами были применены методы лингвистического описания, генетического отождествления установленных фактов, а также методы сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретической базой исследования послужили такие академические труды, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» [14], «Татар әдәби теле тарихы (XIII-XX йөз башы)» [16], а также труды таких ученых-языковедов, как Ф. Ю. Юсупов [19], И. Б. Баширова [2] и др.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что исследовательский инструмент, выработанный в рамках изучения фактического материала, может быть использован в дальнейшем при научном анализе грамматической системы текстов периодической печати, а также в научных трудах по истории татарского литературного языка и при разработке исторической грамматики татарского языка. Кроме того, работа может быть использована в вузовской преподавательской практике в ходе изучения истории татарского литературного языка либо истории формирования и развития языка татарской периодической печати начала XX века.

Основная часть

Показатель настоящего времени на *-a* этимологически восходит к пратюркскому состоянию [14, с. 410] и в текстах газеты «Кояш», так же как и в современном татарском литературном языке и его диалектах [19, с. 294], образуется от деепричастной основы на *-a*, *-ä*, *-j*, которая осложняется аффиксами лица. В случаях, когда настоящее время на *-a* образуется от глаголов, оканчивающихся на гласный, возникает дифтонг *-aj/-äj*, который подвергается сужению и переходит в *-yj/-i* (*qara* ‘смотри’ – *qaryjm*, *qaryjmun* ‘смотрю’, *eşlä* ‘работай’ – *eşlisez*, *eşliseyöz* ‘работаете’).

Большинство современных тюркских языков также характеризуется употреблением рассматриваемой формы при выражении настоящего времени. Так, форма на *-a* активна в северо-восточных языках (за исключением тофаларского и сарыг-югурского языков), а также в юго-восточных языках (за исключением саларского языка) и во всех кыпчакских языках при выражении настоящего-неотносительного времени [14, с. 409]. При этом показатель на *-a* нехарактерен для современных огузских языков, однако обнаруживается в турецких и азербайджанских письменных памятниках, относящихся к эпохе Средневековья.

Рассматриваемая форма активно обнаруживается в текстах газеты «Кояш» и определяется в качестве ядерного грамматического элемента их морфологической системы. Для реализации первого лица единственного числа настоящего времени на *-a* в текстах газеты употребляется полный вариант грамматического показателя *-mun/-men*, который определяется в качестве элемента традиционной языковой нормы: “*Min sezney aldyjyzda gäjeblemen häm watanyñ öçen şundyj keşene qotqara aluwym belän üzemne baxetle sanjymyn*” *digän* [17]. / ‘Он сказал: «Я виноват перед вами и **считаю** себя счастливым из-за того, что смог спасти для своей родины такого человека»’ (здесь и далее перевод автора статьи. – Б. М.).

Следует отметить, что на сегодняшний день для современного состояния татарского литературного языка такое оформление показателя первого лица единственного числа формы настоящего времени на *-a* нехарактерно. Полный вариант аффикса встречается, как правило, только в текстах поэтических произведений.

Параллельно с полным вариантом аффикса первого лица единственного числа в текстах газет активно функционирует и его усеченная форма *-m*, характерная для современного состояния татарского литературного языка: *Üz başymyzğa ğyna eş kürünej hiçber kirägen tabmyjm, xäta zararly ber eş dib ujlyjm* [1]. / ‘Я абсолютно **не нахожу** необходимости в одиночной работе, более того, я **считаю** эту работу губительной’.

Оба рассмотренных варианта получили широкое распространение в текстах газеты «Кояш». При этом активное параллельное функционирование полной и усеченной форм показателя первого лица единственного числа настоящего времени на *-a* наблюдается и в текстах художественных произведений, написанных в конце XIX – начале XX в. [16, б. 489]. На сегодняшний день, в отличие от татарского литературного языка, в его диалектах активны как усеченный, так и полный вариант рассматриваемого грамматического показателя [19, с. 294].

Первое лицо множественного числа в текстах газеты «Кояш» образуется при помощи аффикса лица *-myz/-mez*: *Şunyñ öçen bez xamanda bu мәсәләдә möselmanlarnyñ tağyn da cidiräk ictihadlar kürsätülärenä yşanamyz* [17]. /

‘Поэтому мы до сих пор **верим**, что мусульмане в этом вопросе проявят еще большее усердие’. Данный аффикс определяется как элемент общетюркской традиционной языковой нормы и также активно употребляется в текстах литературных произведений, созданных в конце XIX – начале XX в. на старотатарском литературном языке [2, б. 174].

В текстах газеты для оформления первого лица множественного числа настоящего времени на *-a* наряду с традиционным для рассматриваемого периода аффиксом лица *-myz/-mez* зафиксировано употребление его варианта *-byz/-bez*, характерного для народно-разговорной речи: *Dörest, qarolnyñ bu süzlärenä muafäqat itüçelär bulyr, läkin bez bağzy uryñlaryna iğtiraz itämez* [18]. / ‘Понятно, будут те, которые согласятся с этими словами короля, но мы **не соглашаемся** с некоторыми пунктами’.

Следует отметить, что разговорный вариант *-byz/-bez*, который в рамках современного татарского литературного языка функционирует в качестве языковой нормы, в газете «Кояш» наиболее регулярно обнаруживается в текстах с диалогической структурой, где активно употребляются и иные языковые элементы, характерные для разговорной речи. Такие тексты характеризуются общим высоким эмоционально-экспрессивным уровнем, наличием вопросно-ответных конструкций, лексических, грамматических и синтаксических особенностей, характерных для разговорной речи. Данный факт говорит о том, что наряду с текстами части литературных произведений [2, б. 174], созданных на старотатарском литературном языке рассматриваемого периода, тексты татарской периодической печати послужили платформой для универсализации литературного языка и постепенного вытеснения из него традиционных общетюркских и огузских языковых элементов с последующим переходом к употреблению языковых норм, близких для широких масс населения.

Второе лицо единственного числа в текстах газеты «Кояш» имеет ограниченное распространение. Как и в современном татарском литературном языке, данная форма оформляется посредством показателей лица *-syn/-sey*: *Sin ni ujlysyn, Kärlä* [7]? / ‘А ты что **думаешь**, Кэрлэ?’.

Оформление второго лица множественного числа настоящего времени на *-a* в текстах газет реализуется при помощи аффикса лица *-syz/-sez*: *...kiläçäkdä här mäslädä ber itifaqda bulyb möğamälä itüweñezgä niçek iteb yñanasyz* [5]? / ‘Как вы **верите** в свою дальнейшую единогласную деятельность в каждом вопросе?’. В настоящее время этот аффикс употребляется и в современном татарском литературном языке.

Третье лицо единственного числа настоящего времени на *-a* в текстах исследуемых нами газет, так же как и в преобладающем большинстве тюркских языков, в частности в современном татарском литературном языке, не имеет специальных показателей: *Menä bu mäslälär bezne abdyrata* [10]. / ‘Вот эти вопросы **тревожат** нас’.

В текстах исследуемых нами газет при оформлении формы третьего лица единственного числа, в отличие от современного состояния татарского литературного языка, наблюдается регулярное употребление аффикса *-dyr/-der*, который этимологически восходит к вспомогательному глаголу *torur* ‘стоять’, ‘быть’. В текстах газет основным значением, которое передается посредством данного аффикса, является констатация безотносительных к моменту речи обычных действий: *...firqalärneñ başbaşdaqlıy çyqaryrlyq xäräkätlärenä jul qaldyrmasqa telider* [11]. / ‘...**желает** пресечь пути для действий партий, способных создать произвол’.

Параллельное употребление двух вариантов оформления третьего лица единственного числа характерно и для текстов некоторых литературных произведений, оформленных в конце XIX – начале XX в. на старотатарском литературном языке [16, б. 575]. Как было отмечено выше, употребление аффикса *-dyr/-der* в указанном значении нехарактерно для современного татарского литературного языка. При этом рассматриваемый показатель определяется в качестве специфической особенности мишарского диалекта, противопоставляющего его другим диалектам и литературному языку [19, с. 301].

Третье лицо множественного числа в текстах газет, как и в современном татарском литературном языке, оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*. В данном случае он указывает не на лицо, а на согласование в числе: *Bu aqçadan kübräk fajdalanuçylar baqaleja, jäselcä, tämäke belän satu itüçe greklardy häm qahwä xanälär totuçylar da küb fajda itälär* [8]. / ‘Те, кто больше **пользуются** этими деньгами – греки, торгующие бакалеей, овощами, табаком, также пользу получают хозяева кофеен’.

Отрицательная форма настоящего времени на *-a* в текстах газеты образуется при помощи отрицательной частицы *-ma/-mä*, которая, подвергаясь сужению, переходит в *-myj/-mi*: *Läkin mäcles anyñ notyğyndan eñneñ asyl säbäben añlamyj* [13]. / ‘Однако собрание **не понимает** основной смысл его выступления’.

Значения рассматриваемой формы настоящего времени в текстах газеты «Кояш» обнаруживают определенное сходство со значениями данной формы в современном татарском литературном языке. Ее основным грамматическим значением является выражение действия в рамках настоящего. При этом характерным условием употребления настоящего времени на *-a* для выражения действия, протекающего одновременно с моментом речи, является диалогическая или прямая речь: *Ul äjtä: “Min kamisijädä äğza buldyğym öçen bujarğa bik ähämiyä biräm”* [12]. / ‘Он говорит: «По причине того, что я являюсь членом комиссии, **уделяю** большое внимание этому»’.

Семантический потенциал настоящего времени на *-a*, кроме фокусирования на обозначении действия, происходящего в момент речи, в рамках того или иного контекста может приобретать и значения иного характера. Контекстуальное значение рассматриваемой формы заключается в выражении настоящего расширенного времени. Так, форма на *-a* в текстах газеты, передавая значение расширенного времени, может обозначать то или иное обычное, регулярно повторяющееся действие: *Sul awyllar şuşyndyñ jañğyr waqytlarda ajaq atlyñ almaslyq sazlyqğa äjlänälär* [9]. / ‘Эти деревни в период дождей **превращаются** в непролазное болото’.

Посредством рассматриваемой формы также происходит выражение бесспорных фактов, не нуждающихся в дополнительном доказательстве: *Juq ujlamyjbyz. Çönki, äwälän, bez möselmanlarğa nindi zakonlar kiräk*

ikänlegen ačyq belmibez [5]. / ‘Нет, не думаем. Потому что, во-первых, мы отчетливо **не знаем**, какие законы нужны мусульманам’.

В текстах газеты рассматриваемая форма настоящего времени регулярно употребляется для передачи действия, выражающего постоянный признак того или иного лица либо предмета: *Älbätä, möstäqyjł bjurokratija idaräse dä nizamsyz tora almyj* [6]. / ‘Конечно, самостоятельная бюрократия **не может существовать** без правил’.

Настоящее время на *-a* также может выражать ставшее нормой общепринятое действие: *Azyq närsälären dingež arqyly ala torğan atağa utyrğan ber дәülät suğyşqa qatyşsa, doşman bu дәülätkä azyq kilüwen tuqtatuny üzenež wazyjfasy sanuj* [4]. / ‘Если какое-либо государство, расположенное на острове и получающее продукты питания по морю,вязывается в войну, враг **считает** своей обязанностью остановить доставку продуктов этому государству’.

В рамках конкретного контекста форма настоящего времени на *-a* может употребляться для обозначения действия, имевшего место в прошлом. Так, в приведенном ниже примере на прошедшее время указывает глагол в первом предложении, а также слово *märxüm* ‘покойный’: *Läkin Tuqaj märxüm bu dönjadан üz quly belän üzen qotqaruğa хäläf ide. Ul, şulaj uq kitabynda “Qatyl näfäskä” särläüxäle mäqaläsensä menä ni äjtä* [3]... / ‘Однако покойный Тукай стремился сам себя спасти от этого мира. Также вот что он **говорит** в своей книге в статье с заголовком «Присоединяйся к дыханию»...’.

В целом, если обратить внимание на употребление настоящего времени на *-a* в текстах старотатарских письменных памятников, его функционирование с разной степенью распространения и параллельно с другими формами, употребляемыми для выражения действия, совершаемого в рамках настоящего, зафиксировано начиная с XIII века [16, б. 96, 172, 231, 272, 560]. В качестве показателя функционально-стилистической вариативности такое параллельное с другими формами употребление настоящего времени на *-a* продолжается вплоть до 20-х годов XX века. Как видно из наших материалов, начиная со второго десятилетия XX века показатель настоящего времени на *-a* в текстах татароязычных письменных памятников постепенно вытесняет синонимичные традиционные общетюркские и огузские формы, и к современному периоду существования татарского литературного языка становится единственной формой, функционирующей для выражения действия в настоящем.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Как показал проанализированный нами фактический материал, в текстах газеты «Кояш» при реализации спряжения формы настоящего времени на *-a* по лицам употребляются как традиционные для рассматриваемого периода грамматические показатели (*-тун, -туз, -дур*), так и формы, функционирующие в современном состоянии татарского литературного языка (*-т, -буз, -сун, -сыз, -лар*), часть которых в начале XX века воспринималась в качестве народно-разговорных языковых показателей. Наиболее распространена в текстах форма настоящего времени на *-a*, осложненная аффиксами третьего лица единственного и множественного чисел. Авторы текстов активно употребляют указанные формы для передачи постоянного, безотносительного к моменту речи действия, для выражения динамического характера описываемых событий либо для актуализации настоящего времени с целью погрузить читателя в эпицентр событий.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть соотнесены с изучением особенностей функционирования других временных форм грамматического строя татароязычной периодической печати послереволюционного периода, а также второй половины XX века. Результаты таких научных исследований могут способствовать выявлению этапов развития грамматического построения текстов татарской периодической печати в диахроническом аспекте.

Список источников

1. Авылларда зур ихтыяж вә аларга ярдәм // Кояш. 1914. Унжиденче август.
2. Бәширова И. Б. XIX гасыр ахыры - XX йөз башы татар әдәби теле: жанр стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык. Казан: Алма-Лит, 2008. 340 б.
3. Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр // Кояш. 1914. Икенче апрель.
4. Германия баш вәзиренә нотыгы // Кояш. 1917. Егерме сигезенче февраль.
5. Дума члены Әхтәмов берлә ултырышу // Кояш. 1913. Уналтынчы гыйнвар.
6. Дәүләт думасы // Кояш. 1916. Егерме дүртенче май.
7. Эки хәлфәң нишләтте!! // Кояш. 1913. Унынчы февраль.
8. Искәндәриядән // Кояш. 1915. Ундүртенче сентябрь.
9. Минзәлә өязендән // Кояш. 1913. Унжиденче июнь.
10. Мөселман матбугатына икенче һөжүм // Кояш. 1915. Унжиденче март.
11. Оешкан демократиябез // Кояш. 1917. Унберенче июнь.
12. Петербург мәктүпләре // Кояш. 1913. Сигезенче ноябрь.
13. Самара фронты // Кояш. 1918. Унөченче июнь.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 557 с.

15. Тасыфлы хәл // Кояш. 1914. Алтынчы февраль.
16. Татар әдәби теле тарихы (XIII-XX йөз башы). Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык: III томда / фән. ред. Х. М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. II. 888 б.
17. Харижи хәбәрләр // Кояш. 1914. Икенче апрель.
18. Юнан короле Константин // Кояш. 1915. Өченче ноябрь.
19. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка. Категории глагола. Казань: Фэн, 2004. 592 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Миннуллин Бахтияр Кимович¹, к. филол. н.

¹ Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN

Minnullin Bakhtiyar Kimovich¹, PhD

¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ bahtiyar1986@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.10.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): старотатарский литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; формы настоящего времени; Old Tatar literary language; Tatar periodicals; newspaper language; grammatical system; Present Tense forms.